

Дж. Крукшенк. Крестьянин увозит у французов пушку в русский лагерь, между тем как они, оставившие оную на поле, бросились в деревню за контрибуцией. Копия с гравюры И.И. Теребенёва. 1813

Пленные армии Наполеона о Симбирской губернии

22–23 мая 2014 года в Ульяновске проходили Всероссийские научные чтения, посвящённые 230-летию со дня рождения Д.В. Давыдова. Выбор нашего города для проведения конференции не случаен – последние годы жизни всемирно известного героя-партизана и поэта Д.В. Давыдова прошли в селе Верхняя Маза Сызранского уезда Симбирской губернии (ныне Радищевский район Ульяновской области), где он окончил свой земной путь.

Научный форум в Ульяновске собрался по инициативе Союза потомков участников Бородинской битвы и Историко-патриотического объединения «Багратион» (Москва). Идею проведения конференции всецело поддержал Музей-заповедник «Родина В.И. Ленина». 40 специалистов приехали в Ульяновск с докладами из всех уголков России. Участие в форуме приняло и молодое поколение – студенты, учащиеся школ нашего города и воспитанники Ульяновского гвардейского суворовского военного училища.

Старший научный сотрудник Государственного Бородинского военно-исторического музея-заповедника **Сергей Назарович Хомченко** представил в своём докладе сведения, почерпнутые им из европейской мемуарной литературы, изданной в разное время в Ганновере, Болонье, Берлине и Париже. Для журнала мы выбрали воспоминания военнослужащих Великой армии Наполеона, пребывавших в плену в 1812–1814 годах в Симбирской губернии и в Среднем Поволжье.

Вестфалец Рюппель в России мог не раз замёрзнуть и утонуть

Вестфальский унтер-лейтенант Эдуард Рюппель, осенью 1812 года следовавший в партии военнопленных через Симбирскую губернию в Оренбург,

вспоминал, что в пути частые снегопады мешали их дальнейшему продвижению и приходилось иногда по нескольку дней оставаться в неприятной обстановке крестьянских изб. Офицеры изнывали от скуки и выдумывали различные способы времяпрепровождения.

Однажды они додумались сделать свою форму снова чистой, перешив наизнанку. Распорол её быстро, а вот собрать заново многим не хватило портняжного мастерства. Лишь у одного французского улана красные рейтузы и зелёная куртка стали как

новенькие, остальные были рады кое-как сшить свои штаны.

В одном большом селе перед Симбирском Рюппеля с несколькими товарищами разместили на постой в большом доме. Он вошёл в просторное помещение и вдруг услышал дребезжание цепи и почувствовал толчок в спину. Овернувшись, вестфалец увидел бледного, взлохмаченного и совершенно голого человека, прикованного цепью за шею и туловище к длинному железному шесту. От хозяйки дома постояльцы узнали, что это её слабоумный дедушка, который уже 14 лет был так прикован, так как во время припадков впадал в ярость. Пленные расположились в этой комнате на соломе, но настояли на том, чтобы лучина осталась гореть, и она своим бледным светом ещё усиливала ужасный вид угла, в котором сидел старик. Наутро все были даже рады, когда ратник конвоя известил их о продолжении похода.

В пути пленные часто встречали караваны в 100–200 саней. Все они были запряжены прекрасными тяжеловозами. На каждые шесть саней приходился один возница, который обычно лежал на своих санях и спокойно дремал. Когда сани проезжали мимо конвойных, те для ободрения «прописывали» дремлющим возницам пару хороших ударов нагайкой, что сразу стогнало с них сладкую дрему и веселило всю колонну.

Губернского города Симбирска партия достигла во время ужасного бурана, но ещё нескольких часов пришлось ждать на улице, пока им не выделят место для расквартирования. Наконец всех расселили в пригороде у бедных жителей.

Во время суточного отдыха Рюппель смог осмотреть город, отметив, что он неплохо построен. Население Симбирска мемуарист оценил в 10 тысяч человек, сообщив, что в городе много церквей, а окрестности должны быть очень живописны, но из-за глубокого снега этого нельзя было проверить.

Закупив припасы, колонна в быстром темпе двинулась по руслу замёрзшей Волги к уездной Самаре, которой достигли через восемь дней. Так как сильно замёрзли, все вынуждены были растирать ооченевшие лица, руки и ноги, чтобы избежать опасности обморожения. Вообще, морозы наряду с плохим питанием и большими нагрузками стали причиной того, что в пути ежедневно умирало по нескольку пленных.

Уже в 1813 году Рюппель получил разрешение покинуть Россию. В июле

1813 г. он возвращался через Самару к себе на родину. У переправы через Волгу, на большом пароме, собралось большое количество крестьянских повозок, лошадей, рогатого скота и крестьян, которые возвращались из Самары с рынка. Сопровождающий унтер-офицер с помощью оплеух и взмахов нагайки расчистил на пароме место для кибитки. Рюппель остался сидеть внутри, так как тёмные тучи на небосводе уже разражались громом и молниями и по парому стали стучать капли дождя. От берега был отвязан трос, и тяжело нагруженное судно оказалось в гуще течения, когда вестфалец начал склоняться к мысли, что лучше бы он сегодня не переправлялся. Волны поднимались так высоко, что при каждом порыве ветра перехлёстывали за борт и производили ужасный переполох среди народа. Когда паром оказался на середине потока, воды стали такими бурными, что ни вёсла, ни руль не помогали. Волны и частые порывы ветра с такой скоростью несли паром вниз по течению, что Рюппель решил, что пробил их последний час. Крестьяне крестились и бросались на колени, твердя: «Господи, помилуй». Так как судно при такой нагрузке грозило пойти ко дну, его нужно было облегчить, поэтому крестьянские повозки были переброшены через борт, и, растянувшись в длинную цепочку, поплыли вслед за паромом. Но этого оказалось недостаточно, настала очередь мешков, и под громкие причитания их владельцев и они были сброшены в реку. С помощью этой жертвы судно действительно было сильно облегчено, чему вестфалец обрадовался, так как не пришлось жертвовать его кибиткой. После того, как паром спустился на пять вёрст от города, шторм и дождь улеглись, паромщики снова взяли за вёсла и направили судно к берегу. Они долго тыкались вдоль берега, так как на диком, густо заросшем ивняком берегу не было места, чтобы пристать. Наконец показала маленькая бухта, в которую и вошли.

Вскоре кибитка выбралась на дорогу у большого села, где отмечали какой-то праздник, поскольку все жители были празднично одеты, пели, танцевали и были поголовно пьяны. Пока унтер-офицер хлопотал о смене лошадей, Рюппель наслаждался зрелищем этого крестьянского действа. Повсюду обильно лилась водка, и все без исключения, кто больше, кто меньше, были одурманены ей. Чай, квас, капустные и рыбные пироги поглощались с величайшим аппетитом. Многие валялись

Д. Дайтон (Англия).
Денис Давыдов, «Чёрный капитан».
1914

прямо на земле в самых причудливых позах, в то время как другие, главным образом нетрезвые бабы, собирались вокруг; когда одни пытались при этом помочь подняться с земли другим, возникали очень забавные ситуации.

Швейцарец Мино и ганноверец Циммерманн нашли понимание

Швейцарский унтер-офицер Шарль Мино в начале 1813 года отмечал, что выдаваемого им в пути до Симбирска продовольствия не хватало, и они покупали его у жителей. В одной деревне пленные остановились у немецких переселенцев и те хорошо их приняли, дав в дорогу большой запас хлеба. В один из дней пути Мино так сильно обморозился, что не чувствовал тела. Когда пленным определили деревню для постоя, он зашёл в первый же дом и упал как мертвый. Хозяйка, старая русская женщина, видя беспомощность швейцарца, принесла деревянное корыто, полное холодной воды, добавила туда снега и растирала своего постояльца, пока его кровь не возобновила своё движение. После милосердная женщина накормила пленного тем, что нашлось в её бедном доме. Уже после возвращения на родину Мино в своих молитвах всегда вспоминал эту женщину, ведь благодаря её хлопотам была спасена его жизнь.

М. Богучаров. Военное одеяние французской гвардии во время, как большая армия свободно производила попятное движение своё от Москвы к Вильне, за Вислу, Одер, Эльбу и пр.

В месте назначения, уездном городе Буинске, пленные солдаты занимались перевозкой земли для засыпания пруда. Мино жаловался на тяжёлый труд и плохое обращение конвойных казаков, бивших их своими пиками. Однажды днём, когда пленные собрались на городской площади, чтобы идти на работу, незнакомый старик в обществе городничего прошёл перед строем, осведомляясь, есть ли среди пленных швейцарцы. Мино отозвался и выяснилось, что этот старик по фамилии Шнейдер тоже родом из Швейцарии и служит управляющим в имении русского генерала недалеко от Буинска. Он дал земляку несколько рублей и пригласил в гости. На замечание, что, несмотря на удовольствие от этого предложения, пленный не может отлучиться без разрешения городничего, Шнейдер легко получил отпуск для Мино. На следующий день слуга доброго соотечественника пришёл разыскивать швейцарца с санями, запряжёнными двумя хорошими татарскими лошадьми. Мино находился в гостях три недели и смог отвлечься от тягостных раздумий.

В июле 1814 г. ганноверский солдат Кристоф Циммерманн в числе освобождаемых из Оренбургской губернии 99 немцев подошёл к Симбирску, где они задержались на некоторое время. Циммерманна с другом Хуземанном поселили у богатого купца. Пока назначенный квартирмейстером Циммерманн обходил квартиры, чтобы узнавать у пленных о каких-либо трудностях, приветливая хозяйка расспросила Хуземанна, почему его друг так часто отсутствует. Когда тот описал ей его должность, хозяйка стала относиться к Циммерманну с ещё большим вниманием. Её муж весь день был занят на базаре, торгуя в своей лавке, и однажды, когда постоялец несколько дольше задержался в доме, хозяйка предложила

ему остаться жить у них помощником купца. Если бы Циммерманн принял это предложение, в будущем для него открывались блестящие перспективы, но тоска по родине не дала ганноверцу поколебаться: он отправился в дальнейший путь. Симбирск он описал как недавно основанный, но уже большой город с 15 тысячами жителей, 19 церквями и 19 же кабаками.

Итальянец Баджи и в плену продолжал выступать

Итальянский лейтенант Франческо Баджи попал в Симбирскую губернию зимой 1813 года. В уездную Корсунь пленные прибыли на католическое Рождество и благодаря выдаче двухнедельного денежного офицерского содержания из расчёта 50 коп. в день смогли организовать праздничный ужин. Часть пленных осталась здесь, остальные двинулись в Симбирск, куда прибыли через пять дней и были размещены в пригороде. Мороз усилился, и Баджи, идя в полицейский участок на другом конце города, чуть было не отморозил нос, если бы шедшая навстречу женщина знаками не показала, что его надо растереть снегом. После этого случая, по словам итальянца, он стал менее несчастлив, чем другие пленные.

Новый 1814 год Баджи встречал здесь же. Не зная, сколько доведётся прожить тут, он с ещё двумя офицерами за свой счёт снял небольшую, хорошо отапливаемую квартиру из двух комнат. На русское Рождество 14 итальянских офицеров были приглашены в дома своих земляков, семейств Комо и Коккьо, давно переехавших в Россию и занимавшихся различными ремёслами — отливкой оловянных изделий, сыроварением, торговлей. Один сицилиец даже давал уроки фехтования. Их угостили сыром, изготовленным

по итальянским рецептам, и превосходным пуншем, а вечером под рояль и гитару они распевали песни своей родины.

Баджи прожил здесь около двух недель и смог хорошо осмотреть город. Он увидел в Симбирске очень много купеческих лавок, из чего заключил, что это коммерческий город. Так же его удивило большое количество каменных строений. Вместе с друзьями он пошёл к замёрзшей Волге, но не отметил ничего заслуживающего внимания, кроме нескольких проложенных санными дорогами противоположный берег. В целом Симбирск ему показался более оживлённым, чем другие города, которые он видел. Отметил мемуарист и небывалую дешевизну продуктов, в первую очередь, рыбы. Например, осётр стоил две копейки за фунт, осетровая икра — две-три копейки. Бутылка лёгкого вина, которое привозили из Астрахани, обходилась в один бумажный рубль, то есть в двухдневное жалование пленного обер-офицера, и Баджи считал, что это очень дёшево. Для хозяйственных нужд пленными было закуплено несколько бочонков с соленьями и квасом, полотно и льняные нитки, чтобы сшить рубашки. Помимо прочего, любивший петь итальянец купил в Симбирске гитару.

Через несколько дней часть пленных должна была отправиться дальше, в уездный город Ставрополь. Мемуарист отметил, что симбирский губернатор Долгоруков, хотя и не был благосклонным к французам, был всё же гуманным человеком и приказал не отправлять их в чрезмерный холод.

Ставропольский городничий, старый ливонец, встретил пленных неплохо, по крайней мере, офицеров. Баджи с товарищем Паккиони сняли хорошую квартиру, но когда они приехали туда с вещами, оказалось, что квартира уже занята другими пленными офицерами, отчего между ними произошла ссора. Пришлось довольствоваться менее удобной квартирой, куда друзья приехали в наихудшем расположении духа. Впрочем, вскоре они поменяли её на более приличную, состоящую из трёх комнат, к тому же в центре города и за маленькую плату.

Среди пленных был портной, и с его помощью Баджи перешил свою шинель во фрак, а также пошил новые штаны, в которых можно было показаться в обществе. У калмыков были куплены бараньи шкуры и шита шуба, которая сохранилась до возвращения в Италию. Свою повседневную форму он также

сберёг. Паккиони был особенно рад своему положению и не хотел быстрого окончания плена. Они получали положенное содержание, частые подарки, им не нужно было выполнять тяжёлую работу. Баджи завёл дружбу с французским офицером Кореза. У того была «Генриада» Вольтера, которую Баджи, чтобы провести время, начал переводить в стихотворной форме на итальянский язык. Паккиони купил краски и рисовал эпизоды игры в мяч, а Баджи служил моделью. Рисунки развешивались на стенах квартиры. Также друзья проводили вечера за музицированием на гитаре, врач Казанья присоединялся к ним со своей скрипкой. Паккиони сделал шахматы, в которые Баджи научился неплохо играть.

В Ставрополе Баджи познакомился с дворянами Мильковичами, в чей дом уже были вхожи прибывшие ранее французы и итальянцы. Семья состояла из старой вдовы, её двух сыновей и трёх дочерей. Старший сын был женат и жил с женой здесь же, младший учился в Казанском университете. Баджи вспоминал, что у старой госпожи Милькович было благородное сердце, и она приказала снабжать солдат, которых под конец плена в Ставрополе было почти 200 человек, мясом и хлебом. Здесь ежедневно обедали пять-шесть пленных офицеров, Баджи и Паккиони также стали завсегдатаями этого дома. Обладая хорошими голосами, они были всеобщими любимцами из-за их песен и игры на гитаре. Их наперебой приглашали на обеды и ужины, делали различные подарки. Часто устраивались танцы, в которых Баджи

поначалу не мог участвовать из-за своей обмороженной ноги. Как-то на приёме у городничего Паккиони и хозяин дома выпили столько спиртного, что по окончании праздника их нашли спящими в обнимку под диваном.

В доме Мильковичей была популярна игра в лото. Каждый офицер должен был по очереди называть выпавшие числа, и так многие быстро научились считать по-русски. Здесь в Ставрополе Баджи расширил свой репертуар, выучив несколько русских песен. Он не понимал, о чём пел, но его выступления проходили с неизменным успехом. Голландский капитан Шуман играл на рояле, причём не только классические, но и собственные сочинения. А однажды светское общество совместно с пленными офицерами поставило пьесу Мольера «Проделки Скапена» на французском языке.

С началом Великого поста на рынке перестали продавать мясо, и «добрый старина» Милькович, которому на это пожаловался Баджи, тут же прислал им половину своих запасов говядины, а также множество зайцев и тетеревов. Этот подарок позволил существенно поберечь итальянцам их кошелёк. С наступлением весеннего тепла пленные часто прогуливались в близлежащем леске. Их денщик Леони наловил силками множество птичек, которые своими голосами заполнили квартиру итальянцев. На Пасху пленные офицеры, посетившие церковную службу, рассказывали, что бывшие в церкви русские дамы в ответ на поцелуй руки возвращали его в щёку. А господин Плотников, не дождавшийся в этот день заболевшего

Баджи к обеду, прислал ему в подарок две бутылки вина и сообщение о вступлении русских войск в Париж!

Вскоре в Ставрополе произошло серьёзное происшествие, взбудоражившее весь город. Местный богатый чиновник Ширков попросил руки одной из дочерей дворянской семьи Мильковичей, но ему было отказано из-за низкого происхождения. Ширков завидовал пленным офицерам, которых хорошо принимали у Мильковичей, и решил отомстить разом и тем, и другим. Однажды апрельским вечером слуга Ширкова нанёс удар ножом местному жителю, обвинив в этом одного француза. Городничий собрал пленных офицеров и объявил им приказ военного министра об отправке виновных в преступлениях в Сибирь. Пока же он запретил пленным выходить на улицу в ночное время и посещать собрания. Однако вскоре этот запрет был отменён, так как местные дворяне начали жаловаться на отсутствие иностранных офицеров.

После некоторого затишья внезапно в середине мая последовал приказ симбирского губернатора об отправке всех пленных из Ставрополя в Симбирск. Баджи было жаль расставаться со здешними друзьями. На прощание старая госпожа Милькович подарила ему банкноту в 25 рублей, большую шаль, куртку и шапочку, ещё 10 рублей прислала её дочь. На прощальном завтраке в доме Мильковичей было пролито немало слёз.

Перед освобождением большая группа итальянцев была собрана в Корсунь. Чтобы время шло быстрее, один солдат наделал марионеток, и пленные развлекались постановками традиционных итальянских комедий. Они привлекали не только итальянских офицеров и солдат, но и русских жителей, которые хоть и не понимали ни единого слова, но смеялись, когда смеялись итальянцы. К комедиям добавлялись песни Баджи и Паккиони, эти представления неоднократно посещали городничий и другие корсунские господа. Однажды вечером сам городничий пригласил пленных на регату на реке Корсунь, а потом на роскошный ужин.

В целом европейские мемуаристы отметили множество интереснейших деталей, позволяющих расширить сведения русских источников и более объёмно взглянуть на повседневную жизнь российской провинции в это значимое для страны время.

Иллюстрации:

гравюры из собрания А.Л. Кусакина

Ж.-Б. Готье. Русские офицеры и солдаты. Кто они? 1815